

Е. Р. Михайлова¹

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ И ПОПЫТКА КОНСТРУКЦИИ

E. R. Mikhaylova. Reference Early Medieval archaeological sites in the north-west part of Eastern Europe: problems of definition and an attempt of construction.

The article discusses the experience of construction of the united stratigraphical scheme as an virtual reference "site" for studying the Early Medieval antiquities in the north-west part of Eastern Europe. Archaeological sources for different stages of the Early Medieval times are not equal in sense of containing information, and for the beginning of Medieval times are scanty and unexpressive.

So-called long barrows culture seems to be the best studied material between the Early Medieval antiquities in the north-west part of Eastern Europe. A stratified scheme of a kind of virtual meta-necropolis is suggested as a reference one for the future investigations. The scheme is built basing on analysis of ornamental elements of embossed metal artifacts, and on their stratigraphical position. Construction of such a virtual reference site seems to be necessary considering the current state of archaeological sources.

Под «опорным» в археологии в большинстве случаев подразумевается такой памятник, результаты раскопок которого позволяют считать его источниковедчески репрезентативным. Например, он представляет в распоряжение исследователей более или менее цельную стратиграфическую колонку, словом, позволяет опереться в исследованиях на некий образцовый пример. Во многих случаях такая «образцовость» лишь частична: нередки случаи, когда опорные коллекции керамического материала были получены при изучении одного памятника, а периодизация индивидуальных находок разработана на материалах других памятников (или даже другой группы памятников).

Таким образом, при определении какого-либо

объекта как «опорного», или «эталонного», памятника, помимо учета его источниковедческих особенностей, практически всегда присутствует и некое конструирование объекта исследователем. Бывают же и такие ситуации, когда опорные схемы изначально приходится конструировать из разрозненного материала.

Данное сообщение посвящено опыту такой конструкции, предпринятой в первую очередь для хронологических построений, необходимых для изучения развития материальной культуры (подробнее см.: Михайлова, 2012).

Северо-Запад Восточной Европы — один из важнейших регионов для изучения культурно-исторических процессов эпохи Средневековья. Во многом это определяется тем фактом, что территория Северо-Запада в основном соответствует территории средневековых Новгородской и Псков-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

ской земель, сыгравших важную роль в русской истории.

Археологическими источниками этот регион, как и любой другой, обеспечен неравномерно, и для различных периодов раннего Средневековья опорными оказываются разные археологические комплексы с неодинаковыми характеристиками источниковой базы. Спускаясь «вниз», исследователь, хотя и остается в рамках единой, сравнительно цельной эпохи, вынужден оперировать для различных хронологических отрезков разнородными источниками, постепенно оказываясь на все более зыбкой почве.

Наилучшим образом здесь исследованы ранние этапы древнерусской культуры, с самого начала привлекавшие внимание исследователей. Изучение древностей XI–XII вв. обеспечено многочисленными комплексами погребений по обряду ингумации и коллекциями раскопок поселений, в том числе с дендродатированными слоями, а среди них материалами такого крупнейшего средневекового центра, как Великий Новгород. Трудными для исследователей для культурного слоя Новгорода разработаны шкала дендродатированных ярусов и хронология находок, основанная на распределении их по ярусам (Щапова, 1956; Колчин, 1958; 1963; 1982; Седова, 1981; Лесман, 1990). Наиболее подробно оказались исследованы в этом отношении предметы из цветных металлов, преимущественно украшения, менее подробно — стеклянные и каменные бусы, а также предметы из черного металла.

Потенциальные возможности полученной таким образом хронологической системы были продемонстрированы (и одновременно дополнительно проверены) при датировании на ее основе погребальных памятников Новгородской земли XI–XII вв. (Лесман, 1981; 1984). На основании новгородской хронологической шкалы конкретные археологические комплексы можно датировать в большинстве случаев временем формирования 1–2 ярусов деревянной застройки Новгорода, т.е. приблизительно хронологическим отрезком в 20–50 лет.

Древнейшие датированные ярусы застройки Новгорода относятся к середине X в.; слои, залегающие ниже строительных ярусов, гораздо менее

насыщены находками и не датированы с той точностью, которую предоставляет дендрохронология.

Для древностей последней четверти I тыс. главным опорным памятником является уже Староладожское Земляное городище с древнейшей порубочной датой 753 г. н.э. (Черных, 1996, с. 112). Стратиграфия этого памятника детально разработана в археологической литературе, есть также серия работ, посвященных выделению ярусов застройки в пределах раскопанной части городища и распределению находок по ярусам (Давидан, 1976; Кузьмин, 2008; там же см. подробную библиографию).

Между тем материалы Земляного городища сильно отличаются от новгородских, и не только в том, что касается хронологии, но и особенностями источниковой базы. Изделия из металла (в том числе из цветных металлов) здесь менее многочисленны и редко образуют статистически значимые серии. Наиболее многочисленной и хронологически чувствительной частью ладожской коллекции являются стеклянные бусы (Львова, 1968; 1970; Френкель, 2009; 2010). Однако выпадение в культурный слой стеклянных бус, в основном привозных, имеет свои закономерности, тем более отличные от металлических украшений, если Старая Ладога, как считают многие исследователи, была центром посреднической торговли, а бусы — предметом обмена и средством расчета (Львова, 1970, с. 102; Назаренко, 1979; Рябинин, 1982; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 197; Кирпичников, 2012, с. 52–53 и сл.).

Как правило, невозможно и непосредственное сопоставление (а следовательно, и взаимная проверка) «бусинной хронологии» Ладоги с материалами погребальных памятников: господство вплоть до XI в. обряда трупосожжения на стороне обусловило наличие в погребениях, как правило, немногочисленных и сильно оплавленных бус. Погребальные комплексы с достаточно представительным и узко датированным набором бус в Ладоге и Поволжье единичны. (Немногочисленные примеры: Кузьмин, 1992; Френкель, 2010.)

Еще одна яркая особенность Ладоги — ошутимая скандинавская «вуаль», отчетливая даже на общем фоне формирующейся древнерусской культуры, в которой скандинавские традиции достаточ-

но заметны (ср.: Лесман, 2014, там же подробная библиография). Иными словами, Ладога — единственный для этого периода памятник с хорошо стратифицированным слоем и многочисленными дендродатами, но не вполне репрезентативный для территории Северо-Запада.

В этой связи чрезвычайно интересно было бы сравнить материалы Ладожского поселения с материалами из раскопок синхронных ему так называемых локальных центров. Это название закрепилось в библиографии за крупными археологическими комплексами, предположительно отождествляемыми с древнейшими погостами — административными и экономическими центрами в Новгородской земле (Лебедев, Розов, 1975; Горюнова, 1978; Залевская (Платонова), 1982; Кузьмин, 1991; Носов, Плохов, 1991; Платонова, 1991; Платонова, Жеглова, Лесман, 2007; Конецкий, Носов, 1995; Конецкий, 2014). Эта работа еще не закончена, но некоторые предварительные наблюдения уже можно назвать.

В коллекциях локальных центров ощутимо меньше стеклянных бус, но более многочисленны и представлены серийно металлические украшения. Еще одно заметное отличие — находки серебряных арабских монет, сравнительно частые на локальных центрах и немногочисленные в Ладоге.

Однако отсутствие датированных дендрохронологических объектов, возможности опереться на закрытые комплексы погребений, относительная (по сравнению с материалами XI–XII вв.) малочисленность самих находок — все это резко расширяет интервалы датировок, и для древностей VIII–X вв. обычной становится датировка объектов в пределах столетия, а то и двух.

Фрагменты деревянных сооружений, выявленные на поселениях с сухим культурным слоем, датируются радиоуглеродным методом, который также дает более широкие даты, чем метод дендрохронологии.

При рассмотрении еще более ранних памятников — середины — третьей четверти I тыс. — характер археологических источников вновь меняется, и вновь в сторону меньшей определенности.

Северо-Запад Восточной Европы в V–VIII вв. — составная часть обширного культурного мира, глав-

ной характеристикой которого является нечеткость, неопределенность культурных границ, скудость и заметное однообразие вещественных источников.

На большинстве поселений этого периода культурные напластования незначительны по своей мощности, зачастую перемешаны или переотложены, памятники с хорошо стратифицированным слоем редки, а памятников с «мокрым слоем» нет вовсе.

Погребальные памятники характеризуются кремациями на стороне и отсутствием обычая сопровождения погребений большим количеством инвентаря: в захоронения, как правило, попадали только вещи, побывавшие на погребальном костре, а большинство захоронений этого периода и вовсе не содержит находок. Помимо индивидуальных захоронений часто встречаются коллективные различных типов: от одновременного захоронения нескольких индивидов до россыпей кремированных останков, хоронившихся на одном участке в продолжение длительного промежутка времени.

Наиболее массовым материалом является лепная керамика, а наиболее доступным способом датировки — методы естественных наук, в первую очередь радиоуглеродный метод, предоставляющий в качестве дат довольно широкие интервалы.

Изучение металлических предметов на памятниках этого периода связано с целым рядом источниковедческих трудностей. В отличие, например, от территории Центральной и Западной Европы, где существующие хронологические схемы основаны как раз на сериации металлических украшений и монетных находках, археологические комплексы Восточной Европы таких возможностей не предоставляют.

«Лесной мир» Северо-Запада Восточной Европы предстает перед исследователями нерасчленимым целым с размытыми, нечеткими культурными границами и постепенными плавными переходами в пределах довольно однородного пространства.

Наверное, не случайно, что период V–VIII вв. до сих пор не получил в отечественной историографии собственного определенного названия. В настоящее время при изучении соответствующих древностей на Северо-Западе конкурируют два исследовательских подхода, каждый с собственной

терминологией и своими взглядами на общее содержание эпохи.

Представители одного из них вслед за коллегами из Центральной и Северной Европы стремятся вписать историко-культурные процессы начальной поры Средневековья в более широкий контекст и воспользоваться хронологическими шкалами и социокультурными моделями соседних, более изученных регионов. При таком подходе оказывается уместно и употребление для соответствующих древностей обозначений, возникших на совсем другом материале, как, например, термин «эпоха меровингов» применительно к V–VIII вв. на Северо-Западе Восточной Европы (см., напр.: Широбоков, Юшкова, 2014, с. 72).

Этому подходу противостоит другой, более традиционный, описывающий те же памятники как древности лесной зоны Восточной Европы в середине — третьей четверти I тыс. н.э. и рассматривающий их преимущественно как самобытную культуру, хотя и вступавшую в разнообразные контакты с соседями.

У обоих подходов есть свои сильные и слабые стороны, но важно подчеркнуть, что само их наличие показывает отсутствие единой точки зрения на описываемые древности и сложности, с которыми сталкиваются исследователи при попытке их охарактеризовать.

В этом аморфном лесном мире очень трудно выбрать признак, который однозначно отграничивал бы одну группу памятников от других. На мой взгляд, имеющийся в нашем распоряжении материал предоставляет только одну такую возможность: в конце V — начале VI в. практически на всей территории Северо-Запада распространяется так называемая культура псковских длинных курганов (КПДК) (Михайлова, 2014, с. 221–225). Для третьей четверти I тыс. на этой территории КДК — единственная культура с курганным обрядом захоронения. (На соседних территориях известны и другие курганные традиции или отдельные могильники с курганами, но они существенно отличаются от могильников КПДК.) Таким образом, курганный обряд захоронения является той важной характеристикой, которая позволяет четко выделить одну культурную группу на фоне синхронных

древностей — таких, как памятники удомельского типа, памятники типа Подол и некоторые другие (Исланова, 1997; 2014).

Анализ вещевого инвентаря из погребений в могильниках КПДК продемонстрировал, что наиболее часто в них встречаются украшения и детали костюма из тонких металлических пластин, чаще всего это детали наборных поясов и головных венчиков. Такие гарнитуры широко распространены в восточноевропейских древностях и, возможно, составляют одну из этнографических особенностей этого региона (вместе с широким распространением мелких украшений из оловянистых сплавов и особенностями погребального обряда).

Среди деталей восточноевропейских пластинчатых гарнитур наиболее распространены и показательны головные венчики с пластинчатыми обоймами и наборы ременных деталей (поясные, обувные и уздечные), в которых из тонких пластин изготовлены разнообразные накладки, бляшки, обоймы и часто щитки пряжек. Однако можно назвать и другие части убора, где широко применялись металлические пластинчатые детали — наконечники, полы одежды, накладки на деревянные изделия (посуду, седла) и т.п.

Для псковских длинных курганов пластинчатые накладки и обоймы очень характерны. Они найдены в приблизительно ста погребениях, и эти вещи можно рассматривать как неотъемлемую часть погребального убора КПДК. Поскольку пластинчатые детали убора происходят почти исключительно из погребений (исключение — бляшка-обоймица, найденная в Городке на Шлине) (Буров, 1994, с. 95), можно предположить даже, что они были важной составляющей погребального убора культуры псковских длинных курганов. Впрочем, поселения КПДК еще недостаточно изучены раскопками, и можно ожидать находок на них элементов пластинчатой гарнитуры.

Большинство пластинчатых украшений КПДК относятся к деталям поясной гарнитуры (бляшки-скорлупки, умбовидные и четырехугольные накладки, обоймы, трубочки-обоймицы с продольной прорезью). Аналогично накладкам изготавливались и орнаментировались согнутые пополам щитки-обоймы поясных пряжек. Вместе все эти

детали образуют целостный набор пластинчатой ременной гарнитуры.

Еще одной заметной категорией пластинчатых украшений являются бляшки-обоймицы, которые могли украшать головные венчики, края головных покрывал или, например, шейные ленты.

Все перечисленные предметы вырезаны из очень тонкого металлического листа и, скорее всего, крепились к мягкой основе — ткани, коже или бересте.

Большинство пластинчатых изделий украшено рельефным орнаментом, который выбивался или продавливался с изнанки металлического листа небольшим зубильцем. Наиболее характерными элементами орнамента являются выпуклые круги, концентрические окружности, косые кресты, параллельные узкие валики, ряды выпуклых точек.

Те же элементы орнамента встречаются и на массивных изделиях из псковских длинных курганов: литых браслетах с утолщенными концами, пинцетах с расширенными лопастями, поясных пряжках, миниатюрных украшениях из оловянистых сплавов. Сходный орнамент можно наблюдать и на немногочисленных костяных изделиях, в первую очередь рукоятях.

Орнаментированные в единой стилистике предметы из тонкого бронзового листа — единственная массовая и сравнительно однородная категория находок из псковских длинных курганов.

Всего было учтено 105 комплексов и отдельных находок, в которых встречено несколько сот предметов из металлических пластин либо массивных металлических украшений, орнаментированных в том же стиле. Точное число находок указать трудно, так как во многих погребениях предметы фрагментированы, а в ряде случаев количество однотипных находок указывается авторами раскопок как «несколько».

На проанализированных предметах было выделено 14 элементов орнамента (рис. 1), которые можно рассматривать как межкатегориальные признаки (ср.: Богачев, 1992, с. 62; Лесман, 2004, с. 143–144). Выделяются две группы элементов орнамента, характеризующих соответственно (А) способ оформления краев изделия и (Б) орнаментацию поля.

А. Способы оформления краев:

- 1) края изделия выделены одним или несколькими рядами маленьких выпуклых точек;
- 2) края изделия выделены одинарным рядом «жемчужин»;
- 3) по краю изделия — «рубчатая» полоска;
- 4) «гофрированные» края изделия;

Б. Элементы орнамента на поле:

- 5) «гофрированная» поверхность изделия (вся или значительный участок);
- 6) только выпуклый круг в центре;
- 7) выпуклый круг окружен «жемчужинами»;
- 8) выпуклый круг окружен концентрическими кольцами;
- 9) только концентрические кольца в центре предмета;
- 10) несколько колец или кружков на поле предмета (вместо единственной позиции в центре);
- 11) косой крест;
- 12) группа параллельных выпуклых линий (или узких валиков — 12А) на поле предмета;
- 13) зигзагообразные линии, нанесенные резцом;
- 14) пунктирные линии.

Связи между элементами орнамента, сосуществующими на конкретных предметах, можно представить в виде графа (рис. 2).

Можно отметить пары элементов, не связанных друг с другом совстречаемостью. Ряд таких случаев — это взаимоисключающие элементы (например, различные варианты оформления края предмета). Однако хотя бы в ряде случаев эта несвязанность пар элементов должна иметь хронологические причины.

Все попытки выстроить отмеченные сочетания элементов в сколько-нибудь упорядоченную двумерную матрицу оказались неудачны. Перед нами очень цельный стиль, характерный для культуры длинных курганов на всем протяжении ее существования (с рубежа V–VI вв. до нач. XI в.). Каждый отдельный элемент орнамента хотя бы в одном конкретном комплексе вещей сочетается с любым другим.

Единственная возможность упорядочить сведения об орнаментации — это проанализировать совстречаемость выделенных элементов не на одном предмете, а в рамках одного погребения или

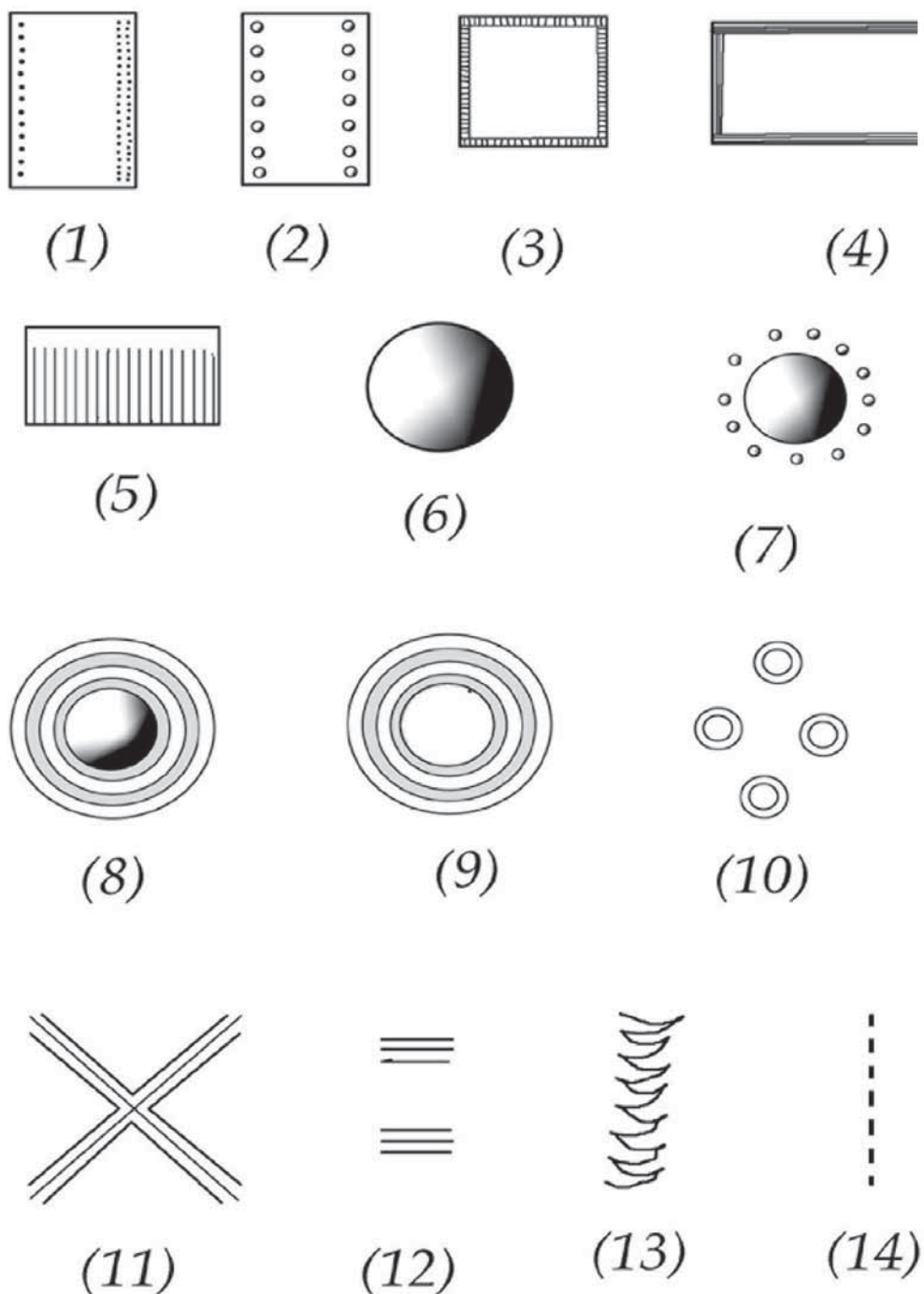

Рис. 1. Основные элементы орнамента на пластинчатых металлических изделиях культуры длинных курганов

одного кургана и проанализировать их стратиграфическое соотношение, что и было проделано.

Чтобы не экстраполировать историю отдельного кургана на картину развития всей культуры, мы не будем рассматривать случаи, когда элемент

встречался с другими всего один или два раза, и проследим случаи встречаемости, зафиксированные не менее трех раз. Устойчивое стратиграфическое соотношение элементов декора можно выразить схемой (рис. 3).

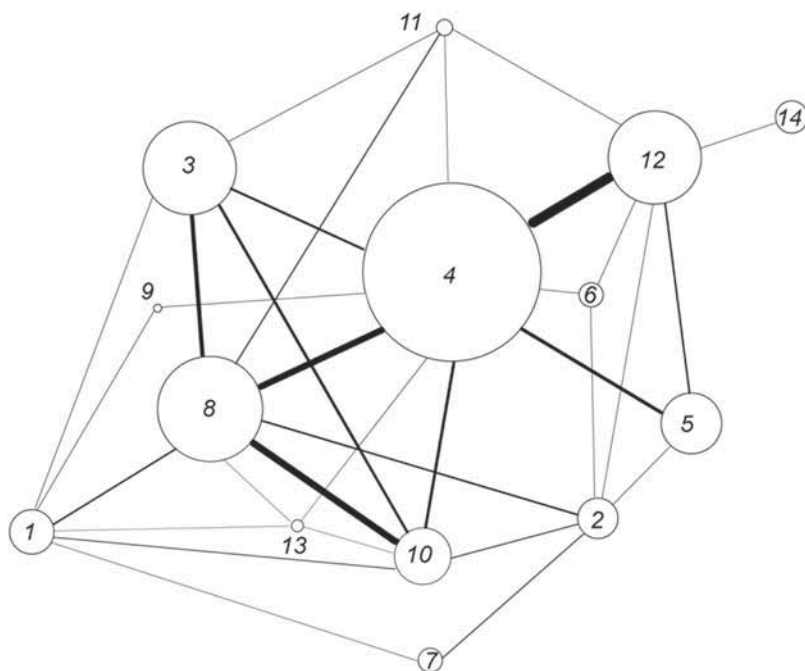

Рис. 2. Связи между элементами орнамента на металлических изделиях культуры длинных курганов. Размеры кружков, обозначающие число встреченных элементов орнамента, и толщина линий, обозначающих число связей между ними, прямо пропорциональны количеству учтенных элементов орнамента и связей между ними

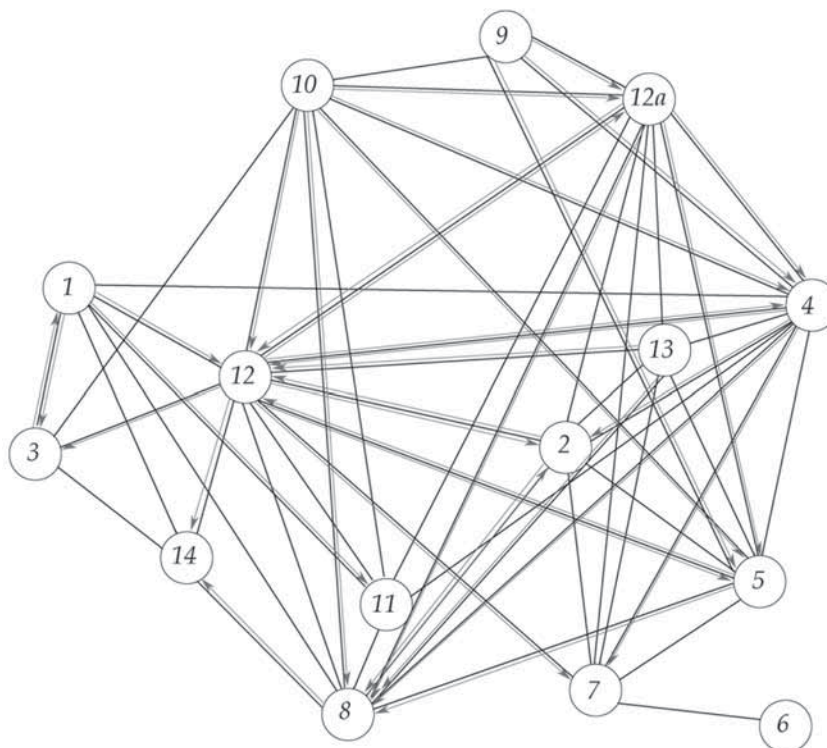

Рис. 3. Соотношение элементов орнамента по данным стратиграфии. Прямыми жирными линиями обозначено нахождение элементов орнамента в одной стратиграфической позиции, тонкими стрелками — стратиграфическая последовательность, стрелка указывает на более ранний этап

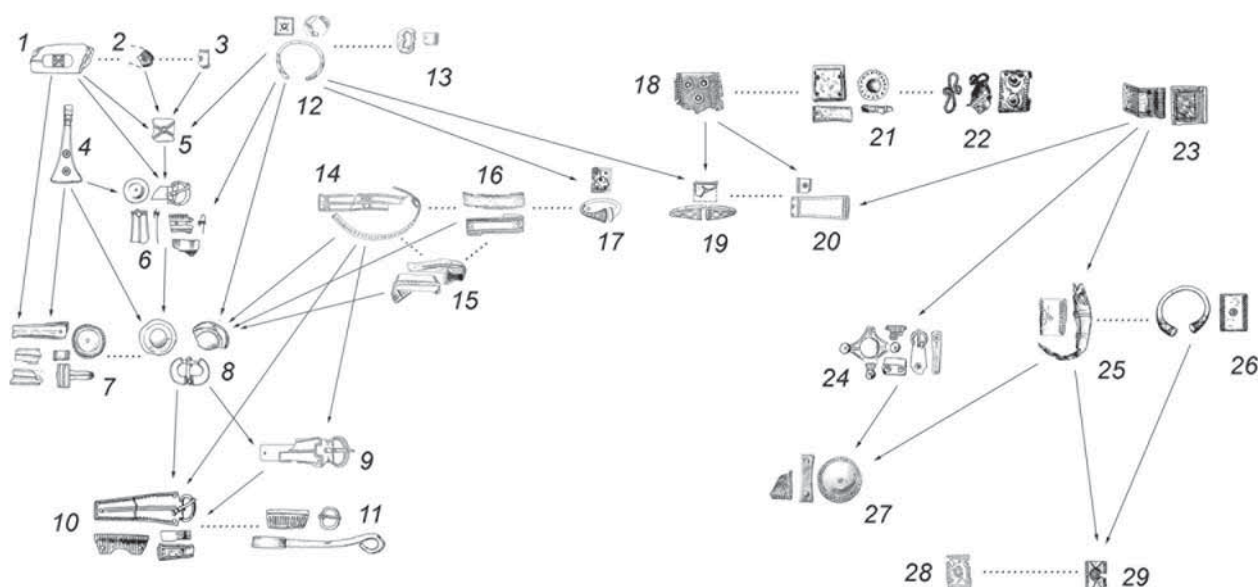

Рис. 4. Хронологическое соотношение комплексов погребений, реконструируемое по соотношению элементов орнамента. Цифрами обозначены следующие комплексы: 1 — Арнико III, к. 6, п. 1; 2 — Березно I, к. 15, п. 1; 3 — Березицы IV, к. 1, п. 1; 4 — Рысна-Сааре I, к. 8, п. 2; 5 — Березно I, к. 6, п. 2; 6 — Рысна-Сааре II, к. 6, п. 4; 7 — Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9; 8 — Рысна-Сааре I, к. 8, п. 8; 9 — Городня, к. 2, п. 2; 10 — Лезги, к. 6, грунт. п.; 11 — Жеребятино, к. 1, п. 1; 12 — Репьи, п. 6; 13 — Репьи, п. 5; 14 — Городня, к. 13, п. 3; 15 — Грядище, к. 2, п. 1; 16 — Горско, длинный курган; 17 — Полибино, к. 6; 18 — Ладыгинский бор, к. 4; 19 — Квасильниково II, к. 1, п. 3; 20 — Березино, к. 8; 21 — Потерпелицы I, к. 5; 22 — Плесо II, к. 4, п. 3; 23 — Варшавский шлюз I, к. 1; 24 — Шихино, к. 25, п. 1; 25 — Куреваниха III, к. 16, п. 4; 26 — Любахин I, к. 4, п. 1; 27 — Березовский Рядок, к. 5; 28 — Шихино, к. 28; 29 — Любахин I, к. 1, п. 2

Прямыми линиями на ней обозначено нахождение в одной стратиграфической позиции, тонкими стрелками — неодновременность, тоже стратиграфическая (стрелка указывает на более ранний этап). Речь не идет о расчленении всего массива на отдельные четко отграниченные этапы. Как раз наоборот — те случаи, где стрелки одновременно идут в обе стороны, явно отражают существование элементов орнамента в течение продолжительного времени, когда конкретные погребения с конкретными вещами оказались в стратиграфически противоположных позициях.

Однако схема отражает соотношение (в тенденции) лишь элементов орнамента, а не реальных вещей. Следующий шаг — наложение на схему имеющихся в нашем распоряжении комплексов и отдельных вещей.

Можно реконструировать относительное стратиграфическое расположение тех комплексов, в которых встречено по несколько металлических предметов с рельефной орнаментацией (рис. 4).

Пунктирными линиями на рисунке обозначена условная одновременность (в пределах гипотетического этапа развития орнаментики). Прямые стрелки — стратиграфическое соотношение комплексов в пределах нашего воображаемого гигантского некрополя КПДК (все стрелки указывают на комплексы, находящиеся в стратиграфически более ранней позиции). Ареал культуры спроецирован на лист так, чтобы западные памятники оказались слева, а восточные — справа.

Расположение комплексов погребений, реконструированное в результате анализа элементов орнаментации, в целом совпадало с их хронологической оценкой, произведенной в результате поиска внешних аналогий вещеведческого анализа.

Полученную схему можно рассматривать как своего рода опорную стратиграфическую схему, данные которой могут быть положены в основу изучения развития вещевого и керамического комплекса, а также погребального обряда культуры псковских длинных курганов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: Артефакт, 1992. 208 с.
- Бузов В.А.* «А погост Жабна пуст...». М.: ИА РАН, 1994. 137 с.
- Горюнова В.М.* Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. II: Сб. ст. в память профессора М.И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 140–148.
- Давидан О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Старо-ладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 101–118.
- Залевская Н.И.* К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи: Межвуз. сборник / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 49–54.
- Исланова И.В.* Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 304 с.
- Исланова И.В.* Памятники типа Подол (Культурные контакты населения Верхневолжья в 3-й четв. I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 26–44. (Серия «Раннеславянский мир». Вып. 15).
- Кирпичников А.Н.* Ладога в первые века ее истории // Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога. Первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012. С. 52–97.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Под общей ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 1. С. 92–111.
- Колчин Б.А.* Дендрохронология Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–103. (МИА. Вып. 117).
- Колчин Б.А.* Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Концевий В.Я.* К истории формирования низовых государственных структур Новгородской земли: погосты X в. на р. Мсте // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 80–82.
- Концевий В.Я., Носов Е.Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н.э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 29–54. (Славяно-русские древности. Вып. 3).
- Кузьмин С.Л.* Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, П.Г. Гайдукова. М.: б/и, 1991. С. 153–168.
- Кузьмин С.Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 52–55.
- Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XI в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А.В. Виноградов. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69–94.
- Лебедев Г.С., Розов А.А.* Городец под Лугой // ВИ. 1975. № 2. С. 212–216.
- Лесман Ю.М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 98–103.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / Под ред. Г.С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988 / Под ред. В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова. М.: б.и., 1990. С. 29–98.
- Лесман Ю.М.* Кластерные, хронологически значимые и датирующие типы // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л.С. Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щелгова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 138–156.
- Лесман Ю.М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. 2014. № 5. С. 43–87.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. II. Происхождение бус // АСГЭ. 1968. Вып. 12. С. 89–111.
- Михайлова Е.Р.* Металлические пластинчатые украшения из псковских длинных курганов: состав гарнитур и развитие орнаментации // Stratum plus. 2012. № 5. С. 261–276.

Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.

Назаренко В.А. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси) / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 106–114.

Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г. / Под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, П.Г. Гайдукова. М., 1991. С. 117–149.

Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 / Под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, Г. Гайдукова. М., 1991. С. 68–88.

Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е.Н. Носов СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С.142–194. (Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XXIV).

Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 165–173.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Френкель Я.В. Стратиграфическая схема раскопок Н.И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладоги и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Староладожский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Селин. Старая Ладога: Нестор-История, 2009. С. 49–122.

Френкель Я.В. Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладоги) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 10–16 апр. 2006 г. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 547–574.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М.: NOX, 1996. 216 с.

Широбоков И.Г., Юшкова М.А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 71–79.

Щанова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1 С. 164–179. (МИА. Вып. 55).